

ИВАН ГРОМОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

"АПОФРЕОЗ"

Иван Громов

Апофеоз

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Громов И.

Апофеоз / И. Громов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник рассказов начинающего беллетриста Ивана Шишлянникова (Громова). В 2020 году он был номинирован на премию "Писатель года 2020" в разделе "Дебют". Рассказы сборника пропитаны атмосферой ужаса и иронии. Герои ищут, куда бы им прибиться, стараясь противостоять судьбе и смерти. Но выходит ли это у них? Каждый отзыв читателей поспособствует развитию творческого пути начинающего автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

«Управление гневом»	5
«Ультранасилие»	7
«Апокалипсис сегодня»	9
«Хороший человек»	12
«Узник Освенцима»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Громов

Апофеоз

«Управление гневом»

У меня всегда хорошее настроение.

В подъезде слышались шумы: кряхтение, кашель, забористый мат. Тяжело вздохнул и шагнул навстречу грязной лестничной площадке. Этажом выше сидели пьяницы, распивающие дешёвую водку. Пахло перегаром и крепким табаком. Помещение не проветривалось.

Твёрдой рукой закрыл за собой дверь, не обращая внимания на лица с низкой социальной ответственностью. Подобная мелочь не способна испортить мой день. Я улыбнулся и начал спускаться по лестнице, насвистывая себе что-то под нос.

«Почему он всегда такой жизнерадостный?».

На улице было грязно и сыро, но меня это совершенно не заботило. Мне было нужно добраться до центра города, где я бы смог выбрать подарки своим друзьям. Если время года и погода не способны поднять им настроение, то я постараюсь это сделать сам. –Вжух-

Осторожно скольжу по подтаявшей лужице, думая о чём-то своём. В такие моменты ничто не может испортить настрой, мне остаётся только идти и подмечать каждую особенность окружения. Древние мудрецы говорили о том, что не вещи делают нас несчастными, а наше отношение к ним. Я иду и продолжаю улыбаться.

«Может он сектант какой-то?».

В городе расплодилось много бездомных собак, стая дворняжек начинает на меня гавкать. Я лишь ухмыляюсь. Снег на дороге почти рассосался, превратившись в густую грязь. – Хлысь- Машина чуть не окатила меня струями чёрной слякоти. Мне всё нипочём.

«В чём его секрет?».

С неба идёт жиденький снег, всячески подчёркивая унылый настрой зимы. Улицы в скором времени будут блестеть от свежих слоёв грязи. За моей спиной кто-то обильно выругался. Я же думаю о порывах весеннего ветерка и восторженно сверкаю глазами.

«Почему он так часто пропадает в гараже?».

Стою на остановке и жду утреннего автобуса. Он нехотя едет где-то вдалеке. Рядом стоит группа старушек, заявляющих о том, что государство о них совсем не заботится. Над нашими головами пролетает целлофановый пакет. С экологией нынче туго, но я об этом не беспокоюсь.

Пропускаю всех старушек и забираюсь самым последним в автобус, на выбор остаются только стоячие места. Ничего. Встаю у окна и начинаю наслаждаться видами Родины; с каждой минутой мой взгляд становится всё более восхищённым. Мужчина, что стоит рядом со мной, странно на меня косится.

«Вроде у него и машины нет».

На одной из остановок в автобус вваливается толпа замёрзших людей. Их куртки покрыты небольшим слоем наледи. Тоскливые лица покрыты морозным румянцем. Они пытаются разойтись по помещению транспорта, выискивая взглядом свободные места.

Мне несколько раз отдавливают ногу, а один раз даже толкают в плечо. Ещё чуть-чуть и меня бы припечатало к стеклу. Это меня не смущает, я лишь разминаю свою затёкшую шею и продолжаю улыбаться. – В чём ваш секрет? – кто-то обращается ко мне с вопросом.

Это тот самый мужчина, что стоит со мной с самого начала поездки. – Мой секрет? – удивлённо спрашиваю я. – Да, ваш секрет – повторяет он свой вопрос. – Вас толкают, давят ноги – он чешет свой подбородок – а вы продолжаете сохранять спокойствие. Минуту мы стоим молча, думая о чём-то своём.

– Как вам это удаётся? – наконец вопрошает он.

– У меня нет никакого секрета – начинаю говорить я. – Есть чёткое понимание того, что гнев – эмоция деструктивная – я смотрю на него и широко улыбаюсь. Меня можно принять за фанатика.

– Если срываться и кричать на людей, то можно лишиться душевного спокойствия.

Это затронет все сферы моей жизни: сон, аппетит, удовлетворённость от каждого дня – несколько секунд я смотрю в его глаза. Скоро уже моя остановка.

Мужчина как-то неловко озирается по сторонам, пытаюсь осмыслить мои слова. – Да это понятно – с нажимом говорит он – но как контролировать гнев? Медитация, религия, чтение мантр? Или может вы вымещаете злобу на домашней груше?

– Отчасти вы правы – говорю я, высматривая свою остановку. – Главное найти такое дело, куда можно направить все негативные мысли и эмоции. Если от них освободиться в особых условиях, то всё остальное перестанет вас волновать – я подмигиваю ему и отправлюсь к выходу. Жизнь удивительна.

Спустя год нахожусь в совершенно другом городе, скрываясь под чужой личиной. Полиции удалось выйти на мой след. Прямо сейчас я смотрю репортаж, посвящённый моей неординарной персоне:

«С вами вечерний выпуск новостей. В городе Зодчий продолжается расследование страшной серии убийств. Эксперты собирают все доступные улики по делу об «душителе из Зодчего». На днях был вскрыт гараж, где убийца хранил части тел своих жертв».

Меня это не беспокоит, я продолжаю сидеть и улыбаться.

«В гараже были обнаружены кости, орудия пыток, законсервированные части тел. Следователь сообщил, что над жертвами совершались акты насилия, каннибализма и жесточайшего садизма.

Но больше всего криминалистов удивила надпись, выведенная кровью на задней стене гаража. Судя по всему, убийца оставил послание, оно гласит: "управляйте своим гневом"».

Меня разбирает от приступа смеха.

«Ультранасилие»

В восемь часов утра я уже был готов. Открыл глаза, смачно зевнул, размял свою шею. – Хрясьт- Спустя минуту каждый нерв моего тела был натянут как струна, дух же вовсю бодрствовал. Было слышно, как мать на кухне моет посуду. Ритмично журчала вода.

Уверенной поступью шагнул на кухню, подошёл к матери сзади. – Ма? Она обернулась и вздрогнула. Мать ещё не вышла из состояния замешательства, а мой кулак уже прилетел ей в челюсть. Жидкости обрели свободу: капли крови, сгустки слюны, струйка воды из-под крана.

Она скрючилась, а я только начал. Взял левой рукой её за волосы, правой же со всей силы ударил в живот. Из её рта полилось тёмное кофе, смешанное с пережёванной колбасой.

Тело матери упало на пол, начало содрогаться от боли. – Ч... Что? – только и вымолвила она. Я не успокаивался: бил ногами по животу, руками ударял по лицу, плевался и неистово кричал.

СТАРОЕ

На кухню вошла моя девушка, происходящее шокировало её. Я воспользовался краткой заминкой и схватил кухонный нож. Одним стремительным ударом я прошёлся по её животу. – Хльсь- Багряный топ заблестел от кровавых пятен.

Из отверстия в животе мне подмигнула связка кишок. Ногой я пнул её в сторону плиты, тёмные волосы загорелись, вспыхнув от пламени конфорки.

Меня разбирала ярость. Я шёл в сторону прихожей, собираясь задать трёпку всем вокруг. На плечи накинул лёгкую куртку, нетерпеливо вышел из квартиры.

На лестничной клетке сидел кот, вечно клянчащий еду. Ударом жёсткого носка ботинка я отправил его в стену. Задние ноги животного сложились так, словно это был шаткий картонный домик.

У подъезда я встретил парочку, частенько шумящую по ночам. Они собирались на лёд, в руках девушка несла напوماженные коньки. Я вырвал их из бледных женских рук и одним из коньков ударил её парня в шею.

Он был похож на окровавленную балерину, которая пыталась заработать максимальный бал у жюри. Кружил влево, потом заворачивал вправо, разбрызгивая по сторонам артериальную кровь.

Девушка закричала, и я ударил её ногой в живот.

ДОБРОЕ

Асфальт был покрыт наледью. Из-под лавки натекла струйка собачей мочи, перемешавшейся со снегом. Лицом я начал бить девушку об землю. Кто треснет быстрее – хрупкий лёд или её обтянутый кожей череп?

Глаза выражали безбрежную пустоту ужаса. Нос и губы разбухли, кровь мешалась с соплями и грязным снегом. Мне надоело.

Я перевернул её лицом вверх и начал поливать голову девушки спиртом. У меня с собой была небольшая фляга. –Бульк-бульк-бульк- Она захлёбывалась: то ли от вязкой крови, то ли от талого снега, попавшего в рот. Большим пальцем я провёл по колёсику зажигалки – чирк – и бросил зажжённую жигу ей на лицо. Ожоги третьей степени? Быть может.

Злость – вот что руководило мной. Взъерошенный и неопрятный я шёл в сторону подъезда бабушки. Мои кулаки покрылись ссадинами и загустевшей кровью. – Блин! – выругался я.

Несусь в подъезд, взлетаю на третий этаж, ногой выбиваю незапертую дверь. Массивная створка придавливает жирного кота, такого поворота событий он точно не ожидал. Бабушка еле-еле кряхтит на кухне, пытается заварить себе чай.

– Я сам! – ору на неё я.

Она отстраняется, а я хватаю чайник и брызгаю кипятком в её лицо. Ожоги второй степени? Самые болезненные.

Старушка визжит и бьётся об стену, я ведь умудрился выжечь ей глаза. Хватаю левой рукой зазубренный нож и облизываюсь.

Один, два, десять, сорок ударов ножом. Да у меня «стрик». Кровь разлетается повсюду: капает с моего лба, покрывает лезвие ножа, струится по жухлому линолеуму.

УЛЬТРАНАСИЛИЕ

Соседи понимают, что нечто происходит не по классическому сценарию. Им страшно. Я включаю все конфорки на плите и кладу в микроволновку аэрозоль против насекомых. Таймер выкручиваю на пять минут.

–Дзинь–

Рысцой выбегаю из подъезда, отсчитывая про себя секунды. С моих губ слетает бессвязная речь: «карты Таро», «особые тропы», «слияние астральных тел».

Сзади меня слышится взрыв. -БАМ- Я слышу крики людей и чувствую запах дыма. Вкус горящей плоти. Но я не вижу зла. Его для меня не существует.

– Мой мир состоит из радужных цветов, вокруг только конфетти, пение птиц и смешные животные – сообщаю я застывшей от ужаса женщине. Из её бока торчит рукоятка моего ножа.

– В моих глазах превалирует розовый цвет, всё вокруг светится и цветёт. Окружение искрится от детских улыбок.

Из её глаз текут слёзы – п... пожалуйста – хнычет она.

– И потому – продолжаю я – мне не остаётся ничего другого. Если вокруг есть только добро и свет, то мне остаётся последний выход:

СТАРОЕ. ДОБРОЕ. УЛЬТРАНАСИЛИЕ.

«Апокалипсис сегодня»

Свершилось то, о чём так долго все говорили. Об этом талдычили все, даже самый ленивый написал какую-то заметку на эту тему.

Пророки, проповедники, шизофреники, социопаты – все они говорили про конец света.

Апокалипсис, битва у холма Мегиддо, звуки труб Иерихона и много ещё всякой фигни. Суть всегда сводилась к одному – нам всем придёт крышка. Кто-то сгорит в огне ярком, а кто-то будет отдыхать там. Наверху. Или где-то ещё. Не знаю. Сам я человек не особо верующий.

Но тут поверил даже я.

Дело в том, что я как-то смотрел телик, а там речь только про конец и шла. Открыл книжку, а у меня их на полке всего две, так и там речь про конец. Даже какая-то задрипанная музыкальная группа (альтернатива или что-то вроде) исполняла уродливую песенку про конец всего.

В общем, все вокруг помешались.

Пошёл я к соседу (к Серёге) и говорю ему – слышь, а чё про конец столько слов? Патриарх что-то оттуда – я показал пальцем наверх и перекрестился – получил?

Серёга был пьян и чем-то опечален. Он посмотрел на меня с минуту, а потом хлопнул дверью и был таков.

Пошёл гулять по подъезду, стараясь не сильно шуметь. На восьмом этаже сидела баба Света, которая всегда была в курсе всех событий. Казалось, что своей жизни у Светы нет, зато про остальных она всё и всегда знала. Вот и про меня была в курсах.

– А, это ты – с какой-то грустью сказала она.

– Ну, я – отвечать было особо нечего.

И больше мы не сказали ни слова друг другу. Вот настолько всё напряжённо было. Даже кошка в подъезде что-то чувствовала; ей приспичило свои дела сделать в каждом из пыльных углов. Видимо, хотела отомстить всем напоследок.

Мне как-то поплохело от всего этого. Грудь болеть начала, живот сжался, аппетит пропал совсем. Сажу у себя в кресле и думаю – конец ли? Открыл в интернете «Откровение», ох и странная же книжка.

Вы политиков ругаете, да? «Они пустозвоны и только языком чешут. Делов от них не дождёшься».

Вы «Откровение» почитайте. Этот «Богослов» ни слова не сказал по существу. Одни бредовые образы и страшилки для детей. Тьфу.

Закрыв вкладку и выключил компьютер. Тошно как-то. Я ведь сердцем чую, что скоро всё здесь сгорит. Мир, работа, люди. Ничего от прежней жизни не останется. Погибнем все.

Оделся попримичнее после всех своих дум, чаю выпил и пошёл в магазин.

Буду готовиться.

Купил себе гречки, риса, консервов затарил, масло, сахар, соль приобрёл, аптечку первой помощи взял в довесок.

Вернулся домой, обходя выбоины и злых собак, а там уже и подготовку начал. Еду и всё остальное разложил по ящикам.

Полы подмёл и помыл, окна протёр и хорошенько заклеил скотчем, забрал из близлежащей библиотеки стопку разных книг. Кошку из подъезда поселил на балконе, если выживет, то и дай бог. А пока пусть там живёт, прохлаждается.

Дома стало чисто, опрятно, свежо. Мне аж самому в таком месте жить хорошо стало. Пошёл стирать вещи и заправлять диван. Надо встретить кончину вселенной достойно. Буду выглядеть ангелом на фоне тотальной разрухи. Может меня Главный на небо авансом возьмёт.

Сварил себе рис, добавил туда консервированную рыбу, всё перемешал и пошёл смотреть «пусть говорят». Надо же знать, что эксперты по поводу всего этого думают. Устроился поудобнее на диване и начал внимать.

Было так скучно, что я заснул.

ДЗИНЬ

Это тарелка и ложка выпали из рук – пришлось минут десять убирать место экологической катастрофы.

Ничего интересного никто и не сказал. Все обсуждали конец, думая о том, как на этом нажиться. Кто-то предлагал мазь для потенции, кто-то продавал ободок на голову в виде нимба, а кто-то предлагал пройти курсы перевода с ангельского языка.

Чушь!

Неужели нет ничего важнее коммерческих услуг? Мы до сих пор не знаем, что этот армагеддец из себя представляет. Столько вариантов, такой простор для фантазии... Но нет, люди всё мусолят одни и те же темы.

Попытался найти что-то другое на телике, активно переключая каналы.

«Батюшка говорит, что и после конца Россия будет стоять на месте, обеспечивая граждан первоклассным сервисом».

–Щёлк-

«Президент не намерен отдавать Америке пальму первенства, он заявил, что в inferнальном пламени Россия сгорит первой».

–Щёлк-

«А у нас распродажа индulgенций (чего?!) – купите одну и попадите прямиком в Рай!».

–Щёлк-

Я прекратил промывать себе мозги. Все относились к концу слишком халатно. Всем казалось, что земля сгорит, оставив все проблемы позади. Люди начнут новую жизнь, кто внизу, кто наверху. Главное, что произойдут перемены. Люди жаждали их, надеясь на то, что Верховный разом разрешит все людские противоречия.

Я был другого мнения. Есть какая-то во всём этом закавыка. Не думаю, что Бог так просто всё сотрёт, отправив всех в бессрочный отпуск.

Это слишком просто и поверхностно. Всё пойдёт не по плану. Каждый из нас ещё убедится в этом. Ну а пока остаётся только спать.

Утром я проснулся от страшных громоподобных звуков. Выглянув в окно, я увидел красное море на горизонте.

Людей на улице не было, только парочка алкашей. Даже собаки и кошки перестали гонять мусор, забившись в различные углубления.

– Апокалипсис сегодня? – со страхом произнёс я, сжимая в потной ладошке крест. – Спасибо, я готов.

Оранжевый шар вдали всё нарастал, изменяясь в очертаниях. Минут через пять он стал похож на гигантское солнце, которое поравнялось с землёй.

БАМ

Вспышка жёлтого цвета, страшный гул, ударная волна.

Меня повалило на пол. В уши забился ужасный звук. Всё тело трясло так сильно, что я потерял ориентацию во времени и пространстве. Долгое время мир существовал вверх ногами, потом кто-то его начал прокручивать, взывая к моим рвотным позывам.

Потом этот кто-то убрал контраст, добавил зерно, включил режим сепии. Расколол картинку реальности на тысячу кусочков, превратив их в низкополигональные файлы JPG.

Глаза словно мылом намазали. В глотку словно кипятка налили. Проще говоря – башню снесло конкретно.

А потом всё прошло. Раз и тишина. Будто и не было ничего.

Я сел в позу лотоса, собрался с мыслями и произнёс вслух – вот и настал конец.

Оставалось выглянуть в окно и оценить масштаб катастрофы. Конец свершился – это факт. Но вот его последствия всё ещё были неизвестны. Я был в блаженном неведении и это меня даже обрадовало. Вдруг ТАМ совсем беда? Вдруг теперь земля – филиал Ада?

Я закрыл глаза и наощупь завесил шторы на окнах. Еда и вода у меня есть, даже книги на полках стояли ровным рядом.

Неделю я точно протяну, наслаждаясь тишиной и своим обществом. Если черти загребут, то так и быть. Если нет, то здесь от них и скроюсь. Решено.

Неделю я ни о чём не думал. Ел гречку, ел рис, консервы уплетал за обе щёки. Читал книги, приседал, отжимался. Одним словом – жил. Но наскучило мне это. Вдруг за окном всё самое интересное. А?

Конец уже неделю как произошёл.

Усилим воли я отдёргнул занавеску, потом всмотрелся в окружающий пейзаж. Меня чуть удар не хватил.

ВОТ ЖЕ

В спешке оделся и вышел на улицу, периодически чертыхаясь.

Нет, всё было взаправду. Мать моя женщина...

Конец произошёл и всё осталось на своих местах. Наш мир превратился в фотографию, лишённую будущего.

Так всё и останется: работа, дом, сон. Повторять этот ритуал до посинения.

Конец всего не был концом мира. Он был концом развития. Деградацией, стагнацией, заморозкой.

Мы обречены топтаться на одном месте.

Обречены жить в обществе потребления.

Каждодневно сталкиваясь с капитализмом, нищетой и обманом.

И так будет всегда.

«Хороший человек»

Это случилось у супермаркета. Неприметная серая коробочка, притягивающая к себе дворняг и всех любителей сэкономить. В том числе она притягивала и меня. На то были свои причины. Я подошёл к пожелтевшей лавочке, сел на неё и начал ждать. Не так уж долго, может тридцать минут прошло, а может час.

– Внучок, извини бабушку – сгорбленная старушка улыбалась мне морщинистым лицом. – Не сможешь мне донести сумку?

Тут недалеко, вон до того дома – её рука указала в сторону рябящей пятиэтажки. Мне было известно это место: плохое освещение, груды мусора, решётки на окнах первых этажей. – Хм – только и сказал я ей в ответ.

Несколько минут мы шли молча, смотря себе под ноги. Даже в центре города дорога треснула, обнажая зубы постарелой земли. Они были желты и червивы. От ржавого ковша помойки сильно смердило. Тощий пёс тащил чёрный мусорный пакет в зубах, озирался по сторонам и неуклюже рычал. –Грр-

– Пшёл отсюда! – старушка топнула в сторону собаки ногой. Посмотрела на меня, улыбнулась. – Какой ты молодец, внучок – начала она. – Вот бы все так. У меня кости старые, спина горбатая, иду вразвалку еле-еле. Руками она пару раз ударила по своим бокам, затем поправила платок на голове.

– Ох – только и сказал ей я.

Вы знаете, что нет никакого смысла вводить воздух в вену? На словах это может показаться чем-то летальным и экстравагантным, но на деле это пшик. Я как-то ввёл воздух одной лежащей женщине в вену, а потом душил её подушкой. Первое не сработало, а второе наоборот. Дошло?

Мы огибали пятиэтажку с торца. Кондиционеры осыпали улицы слезами из конденсата, мутные капли разбивались об асфальт. Было видно, как всё вокруг покрывается трещинами. Однажды тут всё рухнет, захоронив под обломками сотни поломанных жизней.

На меня смотрели зелёные глаза рыжего кота. Он пытался что-то прожевать своим слюнявым ртом. Его глаза нагнаивались, от хвоста остался лишь обрубок.

– Рыжик – старушка достала что-то из кармана – лови, сладенький мой. Кот начал жевать останки трепухи, перемешанные с гречкой и хлебом. Я видел пупырышки на его языке.

Вы знаете, что нет никакого смысла имитировать повешенье? Специалисты из следственного комитета слишком быстро заметят работу небрежного убийцы. И в конце концов, вся проделанная работа пойдёт насмарку. Даже и не пытайтесь работать в этом направлении. Это лишено всякого смысла. Да и удовольствия в этом не очень-то много.

Мы приближаемся к стоптанным ступеням. Окна первого этажа ослабились решётками. Света нигде не горело, даже в тамбуре. Домофонная дверь уже давно размагничена, её створка придавлена неаккуратным булыжником.

– Хороший ты – снова начинает свою речь старушка. – Мы уже почти пришли. С её сумками я начинаю подъём по неосвещённой лестнице. Глазам приходится напрягаться, на таких лестницах можно заработать самые стойкие гематомы. Старушенция шаркает где-то позади. Я слышу свист, вырывающийся из её лёгких.

Больше всего я люблю наблюдать за тем, как из человека вытекает артериальная кровь. В такие моменты я стараюсь слиться с окружением, силясь представить, как сердце замедляет свой ход, оставляя организм без последних признаков жизни. Иногда я оставляю после себя настоящие полотна экспрессионистов.

«Красный цвет – мой любимый. Мотив боли и страха – самый чарующий».

Мы подходим к железной двери. Белым мелком кто-то вывел на углу крест. Я смотрю на сморщенное старческое тело и понимаю, что это сделала она. Бабка достаёт из кармана связку ключей, пытаюсь отыскать нужный. Вижу, как трясутся её руки.

«В агональном состоянии организм старается изо всех сил вырваться из хватки смерти».

Старушка отпирает замок и как-то смущённо улыбается.

– Всё, немножко осталось – она отворяет створку – занеси это, пожалуйста, в коридор. Я ставлю сумки под большим деревянным зеркалом. Не люблю зеркала, они искажают мой истинный облик.

«В моём кармане есть то, что мне нужно».

Бабка делает шаг мне навстречу, пропуская меня обратно в прихожую. Она хочет, чтобы я ушёл. Вижу её жёлтые зубы, она открывает свой рот, с крючковатого носа капает:

ТЫ

Я вспоминаю десятки других: старые, молодые, бедные, богатые, умные, глупые, красивые, уродливые.

ТАКОЙ

Я много чего делал: ломал кости, отрубал конечности топором, сжигал заживо, скармливал голодным собакам, пускал кишки наружу, фомкой разбивал черепные коробки.

МОЛОДЕЦ

Я ел тела, членил их, растворял в кислоте, закапывал на кладбище, бросал в воду, прятал на загаженной свалке. – Ты хороший человек – с нотками страха произносит низенькая старушка. – Хороший? – спрашиваю её я. – Хм.

Удавкой из своего кармана я задушил её всего за несколько минут. Взять с неё было нечего.

«Узник Освенцима»

Сложно сказать, что происходит вокруг. Я не знаю, какой сейчас день, какой сейчас час. Ничего не знаю. В данный момент меня тревожит только одно – боль.

Глаза всматриваются в темноту, один глаз начинает нагнаиваться. Пытаюсь прогнать подступившее наваждение и часто-часто моргаю.

Ничего не выходит, липкие слёзы сползают по щекам, омывая мои треснувшие губы. Мне больно открывать рот, ранки начинают отдавать свербящими покалываниями.

«Шёл 1944 год. Я попался. Машина смерти продолжала набирать обороты. Было понятно, что живым мне не выбраться. В этом месте нас покинул даже Бог».

Спину ломит от пронзающей боли. Кажется, что лопатки горят, но это не так. Я лежу на чём-то жёстком. Ощущение собственного тела пропало. Из-за отсутствия сна начинает казаться, что очертания реальности начинают преобразовываться. Господи, что с моими руками?

«Они лишили меня всего: одежды, достоинства, личности. У меня ничего не осталось. Даже имя у меня отняли. Теперь на моей руке вытатуирована серия цифр. Я превратился в код. Тут больше нет человека».

В желудке урчит. Мышцы живота начинают болеть, боль пронзает каждую клеточку тела. Состояние такое, что об еде даже не хочется думать. Единственное до чего мне хочется добраться – вода. Губы растрескались, а язык опух. Мне нужно смочить горло, нужно напитать своё усыхающее тело. В глотке противно першит.

«Нас не кормят. Самых сильных заставляют носить чан с супом из репы. Первые в очереди не получают ничего, только воду. Те, кто посередине – самые везучие. Им достаётся гущина. Не дай Бог тебе оказаться последним. Так и уйдёшь голодным. В лапы собственной смерти».

Нужно найти силы на выполнение работы. Совершить хоть немного действий, направленных на защиту самого себя. Если я не буду работать, то мне несдобровать. Странные ощущения: мне жарко, а потом холодно; так может продолжаться несколько раз в течение часа. Перед глазами плывут чёрные круги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.